

ИНФРА-РЕСУРСЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

А. С. Быстрова, А. Б. Даугавет, А. В. Дука, Н. В. Колесник, А. В. Невский, Д. Б. Тев

Быстрова Алла Сергеевна

Эл. почта: abc_46@mail.ru. ORCID 0000-0001-6573-111X

Даугавет Александра Борисовна

Эл. почта: a.daugavet@socinst.ru. ORCID 0000-0002-1847-500X

Дука Александр Владимирович

Эл. почта: alexander-duka@yandex.ru. ORCID 0000-0003-1748-7145

Колесник Наталья Владимировна

Эл. почта: n.kolesnik@socinst.ru. ORCID 0000-0003-2323-6799

Невский Андрей Владимирович

Эл. почта: anevskij@gmail.com. ORCID 0000-0002-1206-8569

Тев Денис Борисович

Эл. почта: denis_tev@mail.ru. ORCID 0000-0001-5442-7585

Социологический институт РАН — филиал Федерального научного-исследовательского социологического центра РАН, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, Санкт-Петербург, 190005, Россия.

Аннотация. В статье на основании эмпирического исследования по десяти российским регионам дается характеристика одного из аспектов ресурсного потенциала региональных политических элит. Под последними понимаются депутаты региональных legislatures, а также члены Федерального Собрания РФ от регионов. Использовался структурно-биографический метод. В анализируемую базу данных включены биографии 660 персон. Для сравнения привлекаются также данные 2010 г. (651 биография) и 2015 г. (606 биографий). Предмет исследования — инфра-ресурсы элит, понимаемые как их характеристики и условия, позволяющие властным группам эффективно использовать различные средства влияния. В статье анализируются образование членов элитного сообщества и их укорененность в данном регионе. Показано, что происходят изменения в образовательном профиле региональной элиты. Если в позднее советское и постперестроечное время доминировало техническое образование, то в последние годы наметился переход к экономическому, управленческому и силовому типу высшего образования. В целом региональную политическую элиту характеризует высокий уровень образования. Эндогенность как важный фактор сплоченности или интеграции региональной элиты потенциально способствует снижению конфликтности и включенности членов элитного сообщества в решение общерегиональных проблем. Этот показатель сильно разнится по субъектам федерации. На основе данных о месте рождения, получении высшего образования и месте предыдущей работы нами был построен индекс «Эндогенное ядро региональной элиты». Мы предполагаем, что данный показатель тесно связан со сплоченностью или интегрированностью региональных политиков. Разброс этого показателя варьируется от 3% до 57%. Полученные данные позволяют делать вероятностные прогнозы относительно эффективности элитной активности.

Ключевые слова: региональные политические элиты, депутаты, инфра-ресурсы, образование, укорененность, эндогенность, сплоченность, рекрутирование, мобильность.

В деятельности региональных политических элит важным аспектом является их сплоченность и компетентность, что способствует их относительной автономности и возможности эффективно действовать в региональном пространстве. Это то, что способствует успешной деятельности и усиливает возможности по использованию институциональных и структурных средств в функционировании властных институтов. В литературе обычно средства, с помощью которых осу-

представляется власть, связывают с ресурсами (Гидденс, 2003, с. 57). Мэри Роджерс предложила различать два вида ресурсов: инструментальные и инфра-ресурсы (Rogers, 1974). Она определяла ресурсы как «любое свойство, обстоятельство или имущество, которое увеличивает способность его владельца оказывать влияние на человека или группу» (Rogers, 1974, p. 1425). Под инструментальными ресурсами понимаются любые средства влияния. Инфра-ресурсы представляют собой «те атрибуты, обстоятельства или имущество, которые должны присутствовать до того, как соответствующие инструментальные ресурсы могут быть активированы или применены; в такой ситуации они являются предпосылками или предварительными условиями, без которых инструментальные ресурсы бесполезны» (Ibid.). Эта дифференциация политических ресурсов оказалась продуктивной в исследовании элит (см., напр.: Hicks, Misra, 1993). Здесь надо оговориться, что исследователи также используют понятие «инфраструктурные ресурсы», связанные с социально-экономическими характеристиками исследуемого пространства (London, Anderson, 1985).

В нашем исследовании мы выделили две характеристики региональных политических элит, которые могут быть охарактеризованы как инфра-ресурсы, понимая, что, во-первых, это не исчерпывающий список, во-вторых, ресурсы выступают комплексно, составляя общий синдром «предвозможностей». В этом отношении мы можем говорить о важных частях потенциала элит. К этим характеристикам / ресурсам относятся образование элит и их сплоченность.

Уровень образования и его качество в современном обществе являются одновременно индивидуальным и групповым ресурсом для занятия элитных позиций (см., напр.: Putnam, 1976, p. 51; Aberbach, Putnam, Rockman, 1981, p. 56–58). Вместе с тем образовательный капитал является важной составной частью человеческого капитала элиты (Шестопал, Селезнева, 2012, с. 28), который усиливает компетентность акторов и который можно конвертировать в другие виды капитала. Существенно, что уровень, качество и место получения образования влияют на характеристики деятельности властных элит (Быстрова, Дука, Колесник, Невский, Тев, 2008).

Вместе с тем, как показывают исследования ВШЭ, существует большая дифференциация российских регионов по доступности высшего образования. Это касается таких показателей, как обеспеченность местами, финансовая доступность и территориальная доступность. Показатели охвата высшим образованием в стране варьируются от 49,6% до 0% (Громов, Платонова, Семенов, Пырова, 2016). Соответственно образование региональных элит при возможном формальном совпадении в реальности оказывается различным. Кроме того, при отсутствии столичного многообразия специализаций региональное высшее образование более однородно.

Сплоченность элит является давним предметом элитологии. Классики теории элит в той или иной степени касались этой темы. В перечне отличительных черт первопроходцев научного знания об элитах, получивших общее обозначение «макевиаллисты» (Burnham, 1943), Джеймс Мейсел указывает на внутреннюю однородность, которая основывается на групповом сознании (group consciousness), согласованность (coherence) и сговорность (conspiracy), понимаемую как общность устремлений (Meisel, 1962, p. 4, 16, 361). Эти знаменитые три «С» стали хрестоматийными. Современные исследователи давно уже показали, что элитам присуща, скорее, внутренняя дифференциация, чем однородность, что может проявляться в разных ценностных ориентациях, неодинаковых политических позициях, отли-

чиях в устремлениях. Скорее, речь должна идти о сотрудничестве и интеграции элит (Hoffmann-Lange, 2018, p. 56). При этом, конечно, сохраняются общие базовые ценности. Чарлз Райт Миллс это связывал с общей для всех властных институтов структурой иерархий и совпадением коренных интересов. Для американской элиты это: «создание частной экономики, управляемой корпорациями, постоянного военного ведомства, функционирующего в условиях политического вакуума» (Миллс 1959, с. 46). Несколько иначе общность базовых ценностей видели Т. Р. Дай и Л. Х. Зиглер. Обобщая, можно свести к следующему: частная собственность, рынок и плюралистическая политическая система (Дай, Зиглер, 1984, с. 115–119). Собственно, в этом сходятся и наши отечественные политические элиты и часть контрэлит. Конечно, как указывала О. В. Гаман-Голутвина, наши элиты представляют собой «террариум единомышленников» (Гаман-Голутвина, 1999; 2016, с. 65), что, впрочем, не отличает их, как показывает новейшая история США, от коллег в иных странах. Однако определенный уровень сплоченности существует. Именно он позволяет действовать элитам в качестве правящих меньшинств. В этом отношении концепция Уильяма Самнера «антагонистическая кооперация» («antagonistic cooperation») — взаимодействие противоборствующих индивидов или групп во имя общей цели (Самнер, 1998, с. 21–24), очень точно описывает ситуацию. Использование ее в отношении элит оказывается релевантным (Best, 2010; Hoffmann-Lange, 2018).

Одним из факторов сплоченности элиты является общность места первичной и вторичной социализации, другими словами, укорененность элитных персон в данном регионе. Земляческие связи оказываются важным фактором стабилизации политических лидеров и их групп наверху. Одновременно это важный ресурс легитимации властных групп и связывающий их с местным населением. Частичным подтверждением этого тезиса могут служить протестные выступления в Хабаровском крае в связи с отстранением губернатора С. И. Фургала от должности и его арестом в июле 2020 г.

Выборка и база данных

Исследование основано на анализе биографий российской региональной политической элиты с использованием структурно-биографического метода, в рамках которого структура региональных элитных групп изучается в связи с биографией персон, входящих в эти группы (Быстрова и др., 2008, с. 158). Стратегия исследования предполагает первоначальный сбор информации о происхождении, карьерах, деловых связях, собственности элитных персон. Далее из общего массива данных выделяется информация, имеющая значение для поставленных в исследовании задач. Эти данные помещаются в структурированные биографические анкеты, после чего осуществляется кодирование данных в значения переменных и ввод в матрицу данных на базе статистического пакета SPSS.

База данных сформирована по законодательным органам власти десяти субъектов федерации: Москве, Санкт-Петербургу, Ленинградской, Калининградской, Костромской, Ростовской и Новосибирской областям, Ставропольскому и Хабаровскому краю, а также Республике Дагестан. Выбор этих регионов обусловлен несколькими факторами, влияющими на формирование структур не только политической, но также административной и экономической элиты региона.

Во-первых, среди рассматриваемых нами случаев представлены различные формы административно-территориального деления: два региона представляют собой города федерального значения, четыре региона представляют областной тип территориального деления и еще два — краевой; один из выбранных регионов является национальной республикой. При этом одна из областей, Ленинградская, по ряду показателей образует макрорегион вместе с Санкт-Петербургом: являясь промышленным, экономическим и образовательным центром для всей области, город является также «поставщиком» политической элиты в областное Законодательное Собрание.

Во-вторых, в исследовании представлены различные типы региональных экономик. В ряде регионов значимыми отраслями являются транспортная инфраструктура и торговля (Ленинградская и Калининградская области). В других преобладает сельское хозяйство (Ставропольский край, Костромская область), лесозаготовительная (Хабаровский край) и добывающая промышленность (Ростовская область, Республика Дагестан). Ряд регионов являются крупными промышленными и научными центрами (Москва, Санкт-Петербург, Новосибирская область). Экономические факторы рассматривались нами как значимые в отношении карьерных траекторий элиты, совмещения позиций в политике и бизнесе, горизонтальной мобильности и укорененности представителей элиты.

В-третьих, значимым фактором является профессиональная структура региональных парламентов и правовой статус депутатов в ней. В выборке представлены как полностью профессиональные органы власти (Законодательное Собрание Санкт-Петербурга), так и те, в которых парламентарии, работающие на постоянной основе, составляют половину или четверть от всех членов депутатского корпуса. Представленные в выборке органы власти также разнятся по численности депутатов. Общая численность региональных депутатов в выборке составила 542 позиции. Кроме того, были собраны данные о представителях федеральной политической элиты этих регионов: депутатах Государственной Думы РФ и членах Совета Федерации. Общее количество наблюдений в базе составило 660 случаев (табл. 1).

Сбор биографической информации осуществлялся из открытых источников, таких как официальные веб-страницы региональных законодательных органов, федеральные и региональные онлайн-справочники, интервью и новостные публикации в СМИ. Значимым источником информации в ряде случаев стали публичные страницы парламентариев в социальных сетях. Как показывает анализ О. В. Крыштановской, использование социальных сетей становится распространенной практикой среди представителей по крайней мере федеральной политической элиты: доля представленности депутатов Государственной Думы в соцсетях составляет 81%, сенаторов — 37% (Крыштановская, 2019, с. 7).

Половозрастная структура депутатского корпуса представлена в табл. 2.

Образовательный статус региональных элит

В научной литературе имеется значительное число эмпирических исследований, в которых анализируются факторы, влияющие на социальную мобильность и доступ индивидов к элитным позициям. Как правило, различаются объективные (внешние по отношению к элите) и внутренние системные элементы, которые определяют в том числе и внутриэлитный порядок.

Таблица 1. Федеральная и региональная элита по регионам

Table 1. Federal and regional elites by region

Регион <i>Region</i>	Уровень элиты <i>Elite layers</i>		Всего по региону <i>Total by region</i>
	Федеральная <i>Federal</i>	Региональная <i>Regional</i>	
Санкт-Петербург <i>Saint Petersburg</i>	15	50	65
Ленинградская область <i>Leningrad region</i>	9	51	60
Ростовская область <i>Rostov region</i>	15	61	76
Калининградская область <i>Kaliningrad region</i>	10	41	51
Костромская область <i>Kostroma region</i>	3	38	41
Хабаровский край <i>Khabarovsk Territory</i>	7	40	47
Москва <i>Moscow</i>	28	45	73
Новосибирская область <i>Novosibirsk region</i>	10	76	86
Ставропольский край <i>Stavropol Territory</i>	10	50	60
Республика Дагестан <i>Republic of Dagestan</i>	11	90	101
Всего <i>Total</i>	118	542	660

Некоторые исследования показывают, что политический режим оказывает влияние на элитный процесс, практики рекрутирования и социальную мобильность, с другой стороны, известно, что сами элиты выступают субъектами этих режимов. Исследование Э. Хаски показывает, что России присущ особый технократический авторитарный режим, который отличен от других авторитарных режимов, прежде всего в части элитного рекрутирования (Huskey, 2010). Имеет место социальный порядок в условиях тотального беспорядка, когда достигнутый статус кандидата играет не такую значимую роль, как неформальные статусные характеристики при отборе на различные властные позиции.

Михаэль Хартман в исследовании элит обращает пристальное внимание на эксклюзивное социальное рекрутирование внутри европейской элитной общности, которое в первую очередь достигается за счет того, что представители элитных групп получают специальное образование. Исследователь различает три дифференцированные модели профессионального образования: первая модель (пример Франции) с централизованной системой подготовки будущей элиты, второй вариант (пример Великобритании) — менее централизованная модель с сильно развитой системой частных школ. Третий

Таблица 2. Пол и возрастные когорты депутатов (проценты)

Table 2. Gender and age cohorts of deputies (percentage)

Возрастные когорты Age groups	Пол Gender		Всего по когорте Total by cohort
	Мужской Male	Женский Female	
21–30 лет	1	3	1
31–40 лет	11	6	10
41–50 лет	26	22	25
51–60 лет	32	35	33
61–70 лет	24	27	25
71–85 лет	5	8	6
Всего Total	85	15	100

В тексте также используются данные двух временных замеров. В 2010 г. сбор осуществлялся по 6 регионам (С.-Петербург, Калининградская, Костромская, Ростовская области и Хабаровский край), собраны биографии 651 политика. База 2015 г. включает 606 персон по 10 регионам.

вариант профессиональной подготовки элиты — страны Северной Европы, в которых отсутствует специальная профессиональная подготовка национальной элиты в рамках определенных образовательных институций (Hartmann, 2010).

Образование играет и роль пропуска в политическую элиту. Например, исследования швейцарской элиты показывают, что отсутствие академического образования будет действовать «как препятствие для права на политическое участие» (Семенова, Черныш, Сушко, 2019, с. 134). Накопленный образовательный уровень позволяет оставаться элите длительное время не только высокоресурсной общностью, но, что еще важнее, особой культурной общностью. Основой для функционирования этой общности являются прежде всего общие взгляды, установки, ценности. Общая (суб) культура членов элитной общности оказывается крайне важной для уменьшения неопределенностей во взаимодействии, поддержания общего «языка» среди элиты и властных групп (Engelstadt, 2018). Общность взглядов членов элитной общности во многом формируется под воздействием первичных институтов социализации (семья, школа, образование) и далее воспроизводится через профессиональные и иные социальные институции.

Образовательный статус элиты оказывается крайне важным при изучении процесса функционирования в условиях неопределенности и неизбежно оказывает влияние на устойчивость и воспроизводимость элиты.

Тип высшего образования является значимой характеристикой при определении социального облика и прояснения механизма воспроизводства внутри региональной общности. Как и в других странах мира, наличие диплома о высшем образовании является важным условием при попадании на ту или иную элитную позицию. Политический сегмент региональной элиты не является исключением, и практически все депутаты десяти региональных парламентов представляют, с формальной точки зрения, высокообразованную общность.

Таблица 3. Тип первого высшего образования политической элиты, в % (N = 614)

Table 3. Type of first higher education of political elites, in % (N = 614)

Регион <i>Region</i>	Тип образования <i>Type of education</i>			
	Финансово-экономическое Financial and economic	Управленческо-политическое Political and administrative	Юридическое и военное Juridical and military	Другое Other
Санкт-Петербург <i>Saint Petersburg</i>	8	9	41	42
Ленинградская область <i>Leningrad region</i>	10	7	24	59
Калининградская область <i>Kaliningrad region</i>	11	0	30	59
Костромская область <i>Kostroma region</i>	23	5	7	65
Хабаровский край <i>Khabarovsk Territory</i>	9	2	17	72
Москва <i>Moscow</i>	7	1	19	73
Новосибирская область <i>Novosibirsk region</i>	19	6	16	59
Ростовская область <i>Rostov region</i>	18	8	15	59
Ставропольский край <i>Stavropol Territory</i>	12	7	23	58
Республика Дагестан <i>Republic of Dagestan</i>	23	1	18	58

Первое высшее образование

Полученные данные показывают, что преобладающим типом первого высшего образования внутри политической элиты десяти российских регионов, по данным 2019 г., оказываются: высшее техническое (37%), экономическое (14%), гуманитарное (13%) и военное образование (11%). Примечательно, что подобный образовательный профиль воспроизводит и федеральная административная элита, в которой наблюдается преобладание «персон с подготовкой по техническим или естественно-научным специальностям» (Тев, 2016, с. 78).

Технический крен в образовательных траекториях российской региональной элиты — не новое явление, он устойчив в своем воспроизводстве на протяжении по-

следних двадцати лет. Об этом свидетельствуют и более ранние наши эмпирические исследования, которые были проведены в 2005–2007 гг. и в 2012 г. Эмпирические данные 2005–2007 гг. и 2012 г. показывают, что в среде политико-административной региональной элиты в те годы устойчиво преобладали «технари», «экономисты» и «силовики». Например, в сегменте административной элиты вплоть до 2012 г. наблюдался относительный рост представителей партийной номенклатуры, старших возрастных групп, и потому «технологизация» и «технократизация» высшего образования элиты носила естественный характер ввиду преобладания технических вузов в структуре высшего образования.

На протяжении последних двадцати лет внутри региональной элиты происходит относительная стабилизация образовательных когорт и эмпирические данные 2019 г. являются тому подтверждением. Если рассматривать образовательный профиль региональной элиты в разрезе регионов, то больше всего специалистов с первым высшим экономическим образованием в элитной общности Дагестана и Костромской области — по 23% в каждом регионе, в Новосибирской области — 19%, Ростовской области — 18%. При сопоставлении доли «экономистов» в структуре депутатского корпуса важной оказывается общая численность регионального парламента. Так, например, Костромская областная дума представлена всего 35 депутатами, тогда как в дагестанском парламенте заседает 90 депутатов. В этой связи в образовательном профиле депутатов, как малых, так и больших региональных парламентов, «экономическая» составляющая проявляется особенно отчетливо. Меньше всего «экономистов» в московской и петербургской политической элите, лишь только 7% депутатов имеют высшее экономическое образование.

Обращает на себя внимание и взаимосвязь между типами высшего образования депутата и его местом рождения. Эмпирические данные позволяют определить, что «провинциальные депутаты» из областных центров, малых городов и сел предпочитают получать первое высшее образование в финансово-экономических и «силовых» вузах. Управленческо-политического образования не имеют и москвичи, но этот тип образования достаточно востребован у рожденных в Санкт-Петербурге (15%) и менее популярен среди депутатов, чье место рождения — областные центры и столицы республик (4%), малые города (6%) и села (4%).

Финансово-экономическое образование среди региональных парламентариев в зависимости от места рождения также оказывается важным, как, впрочем, и силовое. Данные показывают, что вне зависимости от места рождения экономические знания оказываются востребованными как у тех, кто родился в мегаполисах (22%), так и у тех, кто родился в малых городах и селах (26%). При этом следует отметить, что экономическое образование оказывается популярным среди депутатов и в случае получения диплома о втором, третьем и последующем типе высшего образования. Более 15% представителей региональных парламентов рассматриваемых регионов имеют диплом финансово-экономического вуза в случае получения второго образования, но управленческий (45%) и юридический (19%) тип образования оказываются доминирующими. Что касается преобладания силового типа первого высшего образования в зависимости от места рождения депутата, то заметно, что диплом военного или юридического вуза оказался востребованным среди тех депутатов, кто родился в Санкт-Петербурге (30%), в областных центрах и столицах республики (26%), в малых городах (18%) и в селе (19%). Среди всех ре-

гиональных депутатов, кто родился в Москве, только один из десяти имеет диплом военного, юридического вузов.

Тенденция на постепенный переход от технического к экономическому, управленческому и юридическому высшему образованию в среде элитной общности в постсоветский период определяется как объективными причинами, внешними факторами, так и внутренними процессами, которые происходят в элитных сегментах. Так, трансформация экономических институтов неизбежно повлияла на образовательный профиль не только федеральной, но и региональной элиты. Как в целом по стране, так и в отдельных регионах за последнее десятилетие отмечается резкий рост выпускников-экономистов, управленцев, юристов.

По данным статистики, за период 2004–2013 гг. произошел рост выпускников по специальности «экономика и управление» в 2010 г. (576 000 чел.) и снижение в 2013 г. до 485 000 чел. (Андрущак, Гохберг, Ковалева, Кузьминов, 2014, с. 42–44). За последние три года в российском высшем образовании наблюдается снижение доли (в тысячах человек) приема на обучение по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры: по экономике и управлению — с 247,6 в 2016 г. до 225 в 2018 г., по юриспруденции — со 137,2 до 113,6 за те же годы. Примечательно, что за последние три года (2016–2018 гг.) наметился небольшой рост приема студентов на образовательные программы «инженерное дело, технологии, технические науки» (с 350 000 до 360 000), что свидетельствует о востребованности «технарей» и в условиях рыночной экономики (Боровская, Гохберг, Кузьминов, 2019, с. 51–52). Данный тренд является в целом асинхронным по отношению к «техническому» профилю политической элиты в изучаемых российских регионах. В первую очередь это связано с тем, что в среде элитной общности процессы обновления и рекрутирования не столь интенсивны и чаще всего наблюдается воспроизводство на закрытых основаниях. В большинстве случаев в депутатских корпусах региональных парламентов не наблюдается заметного омоложения внутри политической элиты и потому в большей степени образовательный путь представителей элиты имеет свои особенности и лишь в малой степени отображает процессы, которые происходят внутри других социальных общностей.

Второе и последующее высшее образование

Биографии представителей политической элиты показывают, что в целом данный элитный сегмент обладает высоким образовательным капиталом, и потому почти половина региональной элиты десяти рассматриваемых регионов имеет второе высшее образование (47%), и чуть более 10% депутатов имеют дипломы о третьем высшем образовании. Если рассматривать количественные данные, то заметно, что чаще всего представители региональных парламентов получают второе высшее образование по управленческим, экономическим и юридическим специальностям. Ориентация на данный тип образования согласуется с логикой развития рыночной экономики в современной России, когда, объективно, специалисты с экономическим и юридическим образованием могут быть востребованы на рынке труда.

Однако детальный анализ биографий депутатского корпуса г. Санкт-Петербурга показывает, что второе и последующее высшее образование представители такой профессиональной группы, как военные, например, чаще всего получают при выходе на пенсию в 45 лет и позже. Так, большинство петербургских депутатов, чья профессиональная карьера складывалась в российских вооруженных силах, после

40 лет успешно завершили свое обучение в гражданских вузах по экономической и/или юридической специальности.

Массовому обучению бывших военных, которые выходят в запас, способствуют и государственные программы переобучения военных в российских вузах. Военнослужащие, согласно приказу Министерства обороны от 2015 г., имеют право на обучение по гражданским специальностям на бесплатной основе в военных вузах при Министерстве обороны. В случае, если военный предпочтет гражданский вуз, он будет иметь льготы при поступлении. В этой связи дипломы второго высшего образования петербургские депутаты-силовики получали в Северо-Западной академии государственной службы (в 45–50 лет), реже в Академии народного хозяйства, Санкт-Петербургском государственном университете, Юридической академии.

Если рассматривать эмпирические данные по второму и третьему образованию через призму гендерного показателя, то чаще всего получают второе и последующее образование депутаты-мужчины, но и здесь имеются свои различия. Второе и третье высшее образование по экономическим специальностям более востребовано среди депутатов-мужчин — 83%, среди женщин — 17%, управленческое образование депутаты-мужчины получают чаще в четыре раза, чем женщины политической элиты рассматриваемых регионов (у 82% — мужчины и у 18% — женщины).

Существуют и региональные дифференциации в среде политической элиты по наличию второго и последующего высшего образования. В большинстве случаев каждый третий депутат имеет диплом о втором высшем образовании. Однако существуют различия по регионам, например, из 50 депутатов петербургского парламента треть имеет два диплома и более о высшем образовании. Если рассматривать полученные данные в разрезе места нахождения вуза, то в большинстве случаев петербургские парламентарии (22 депутата — 42%) обучались в питерских вузах.

Высокий образовательный уровень характерен не для всех представителей политической элиты. Анализ персональных биографий показывает, что в региональной элите имеют место случаи, когда депутаты обладают крайне низким образовательным статусом (например, 8-классное образование или являются выпускниками ПТУ), либо вообще не имеют полного высшего образования. Данный феномен можно рассматривать как некое социальное преимущество с точки зрения представленности в парламенте выходцев из различных социальных слоев, имеющих высокий образовательный статус и не имеющих. Еще Р. Патнэм неоднократно обращал внимание на необходимость равенства возможностей и считал его важной составляющей политической легитимности (Putnam, 1976, p. 44).

Эндогенность

Важной характеристикой элиты является ее сплоченность. На региональном уровне это свойство в определенной степени зависит от степени разделяемой идентификации с регионом. Естественно, что региональная самоидентификация связана с укорененностью членов элитного сообщества. Укорененность (эндогенность) региональной элиты имеет несколько аспектов. Первый, лежащий на поверхности, связан с местом рождения и социализации. В более углубленном, экзистенциальном плане сам факт рождения, образования и воспитания именно в данном месте может порождать с ним определенную связь. Второй аспект — устойчивая связь политика с местным сообществом, его интересами и потребностями. «Акторы не действуют и не принимают решения вне социального контекста. <...> их попытки

целенаправленного действия укоренены в конкретных системах длящихся отношений» (Грановеттер, 2004, с. 137). Существенно, что эти «длящиеся отношения» основываются на встроенности в местное сообщество. Это создает социальный капитал, с чем связана система доверия, кооперации, традиций взаимности (Патнэм, 1996). В значительной степени указанные характеристики (аспекты рассмотрения) связаны между собой. Однако это не совпадающие вещи.

Одним из факторов, существенно влияющим на встроенность политика в интересы территории, выступает длительность проживания политика в данном регионе, что может быть связано с большим социальным капиталом (естественно большое число знакомств, связей, большая плотность сетей). Социальная сеть региональной элиты охватывает значительные социальные пространства и большое число акторов. Вторым фактором (и индикатором) является получение высшего образования в месте занятия элитной позиции. Третьим — совпадение места предшествующей работы и места нынешней элитной позиции. Эти три фактора (и одновременно индикатора) связаны с внутренним, внутрирегиональным происхождением политиков (рождением, образованием, карьерой). Это характеристики их укорененности (эндогенности). Для экономических агентов существенным для укорененности является наличие активов в регионе, что предполагает включение в разнообразные социальные, экономические и политические отношения. В этом контексте экономические интересы в данном регионе переплетаются с экономическими интересами региона как определенной совокупности разнообразных акторов и населения в целом. Отсюда может возникать и устойчивая идентификация с регионом и его интересами. Проявляться это может, например, в региональном протекционизме (Долгополов, 2018; Старостина, 2020). И, конечно, указанные факторы являются одним из оснований корпоративной солидарности и идентификации (Исаев, Трапш, 2016, с. 53).

Мобильность и укорененность политической элиты

Наше исследование показывает, что географическая мобильность региональной политической элиты со временем сокращается. Так, в целом по шести регионам в 2010 г. 30% членов регионального политического элитного сообщества занимали свои позиции в регионе их рождения. В 2015 г. по десяти регионам половина политиков родились в месте их активности. И в 2019 г. этот показатель остался прежним (рис. 1), причем в четырех регионах наблюдается рост «домоседов», в трех обнаружилось снижение эндогенности и в трех регионах соотношение приезжих и местных политиков осталось прежним. Вместе с тем можно утверждать, что время относительно высокой миграции политически активных граждан в большинстве регионов закончилось. В шести регионах показатели эндогенности выше 50%. Можно говорить об определенной стабилизации.

Показатель укорененности сильно варьируется по регионам: максимально в Дагестане (68%), минимально — в Хабаровском крае (23%). Существует определенная аномалия в Ленинградской области — малое число уроженцев данного региона (20%). Это связано, по всей видимости, с тем, что и центр области, и почти все высшие учебные заведения, и местоположение Законодательного Собрания находится в Санкт-Петербурге, являющемся самостоятельным субъектом РФ. 17% родились в Санкт-Петербурге. Эти два региона очень тесно связаны друг с другом. Это хорошо видно по результатам переписи 2010 г. Если в Санкт-Петербурге

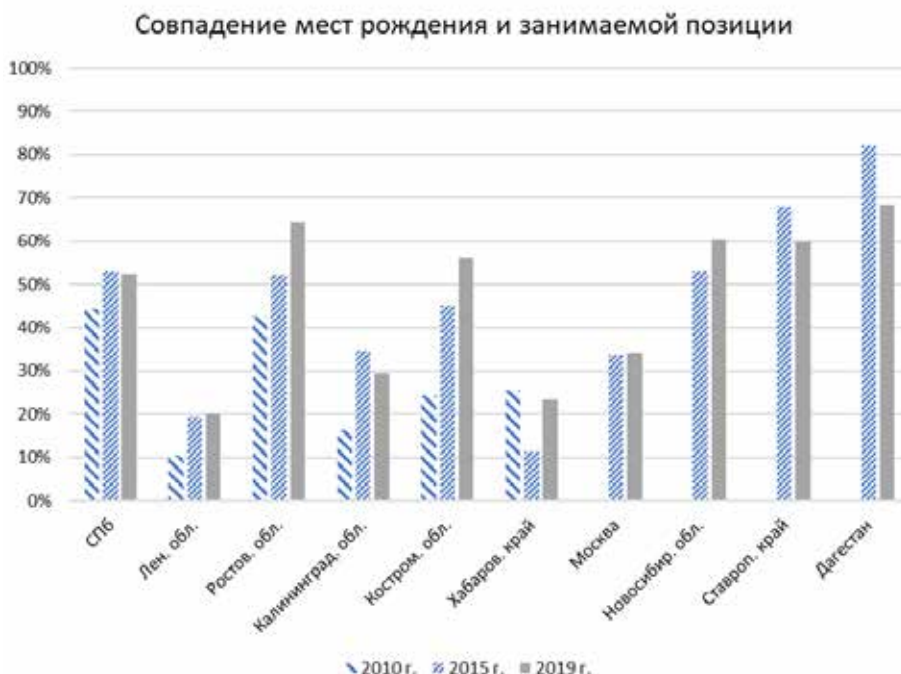

Рис. 1. Укорененность региональной политической элиты по месту рождения (в процентах). 2010, N = 361; 2015, N = 606; 2019, N = 660.

Fig. 1. The embeddedness of regional political elites by place of birth (percentage). 2010, N = 361; 2015, N = 606; 2019, N = 660.

проживало 88% родившихся в нем, то вместе с уроженцами Ленобласти уже 92%. В Ленинградской области за счет уроженцев Санкт-Петербурга доля эндогенного населения увеличивается с 68% до 84% (Федеральная служба государственной статистики, 2010). Административно-территориальное деление в данном случае оказывается частично условным.

С большой долей мигрантов среди политической элиты выделяются также Хабаровский край и Калининградская область. В первом случае менее четверти депутатов родились в крае, во втором — менее трети. В обоих случаях по трем замерам (2010, 2015 и 2019 гг.) не прослеживается определенная тенденция. По всей видимости, это связано с периферийностью относительно основной части страны этих субъектов федерации и спецификой внутрорегионального политического процесса. Это при том, что доля немигрирующего населения (тех, кто проживает в месте своего рождения) по переписи 2010 г. составляет в Хабаровском крае 71,8%, а в Калининградской области — 79,8%. Показатели ниже, чем в других регионах, за исключением Ленинградской области и Костромской. В последней он равен 68,2%. Если же брать данные по непрерывно проживающим в месте постоянного жительства с рождения, то окажется, что более мобильным, чем в Хабаровском крае, населением обладают Новосибирская и Ростовская области, а также Ставропольский край. Самыми «домовитыми» по указанным параметрам являются жители Дагестана, Москвы и Санкт-Петербурга. Можно предположить, что миграционная активность населения регионов и их элитных групп прямо не связана.

Образование и укорененность

Вторым, не всегда совпадающим с предыдущим, фактором, влияющим на укорененность, является учеба в месте элитной карьеры. Получаемое высшее образование (если оно не заочное) создает связь индивида с местом расположения вуза. Это достаточно известно по многим воспоминаниям. Эмоциональная пространственная привязанность в период профессионального обучения, безусловно, влияет на отношение к территории. Здесь завязываются знакомства, связи, которые могут существенно влиять на дальнейший жизненный путь. Если индивид и дальше связывает свою карьеру с регионом, то наработанный социальный капитал повышает его ресурсы.

По выборке в целом больше половины депутатов получили первое высшее образование в своем регионе (63%). Исключением является Ленинградская область, что вполне объяснимо. Лидирует же Санкт-Петербург (88%). За ним следует Ростовская область (80%), где существует достаточно мощный научно-образовательный комплекс. Третье место занимает Дагестан (78%). Новосибирская область занимает только четвертое место с 70% депутатов, получивших первое высшее образование у себя. В большинстве регионов происходит снижение этого показателя эндогенности. Надо иметь в виду, что ориентация на местное или иногороднее образование может иметь разные основания. Здесь важен контекст. Тем не менее можно утверждать, что высшие учебные заведения существенно включены в подготовку политической элиты своих регионов, что усиливает местную самоидентификацию депутатского корпуса. Только в трех регионах данный показатель ниже 50% — Ленинградская, Калининградская и Костромская области.

Кроме того, надо отметить, что для этой категории элиты характерна территориальная устойчивость проживания: последние десять лет, за исключением хабаровских депутатов, почти все политики проживали и работали в своем регионе. По Хабаровскому краю этот показатель равен 89%, что тоже, конечно, существенно.

Региональная карьера

Почти во всех российских региональных легислатурах для большинства депутатов действует режим частичной политической занятости. Профессиональные политики — только часть региональных законодателей. Большинство совмещают свою деятельность в региональных ассамблеях с основной работой. Представленность экономических агентов в региональных легислатурах усиливает протекционизм и помогает в распределении госзаказа. Это почти непосредственный доступ к ресурсам. Можно зафиксировать активность, предшествующую избранию. Подавляющая часть депутатов не являются чужаками в своих регионах, их деятельность была связана с местом их избрания. У подавляющего числа депутатов место предшествующей работы (до избрания) совпадает с местом элитной позиции в настоящее время. Средний показатель по выборке — 86%. Максимальный показатель в Ростовской области — 99%. Это говорит о существенной связи политиков с регионом и региональными интересами, даже если эти интересы федеральных структур. В этом отношении принимаемые решения имеют основания в том числе и в длительных персональных и групповых отношениях в региональном сообществе, во взаимных инвестициях в социальный капитал (Грановеттер, 2004).

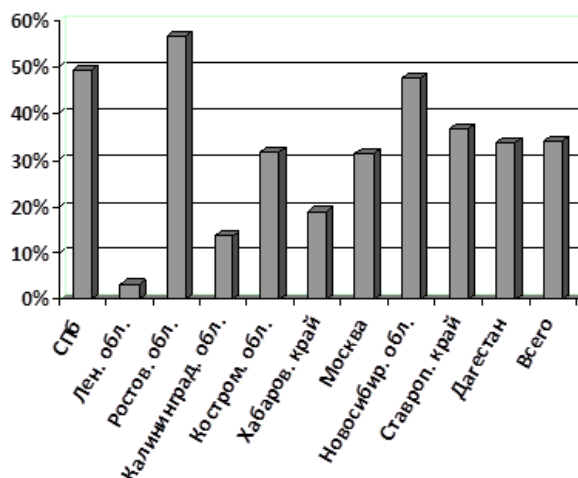

Рис. 2. Доля эндогенного ядра в региональных политических элитах. N = 660

Fig. 2. Share of endogenous core in regional political elites. N = 660

Эндогенное ядро региональных элит

Каждая из трех рассмотренных характеристик региональных политиков позволяет судить об определенном аспекте включения депутатов в контекст жизни региона. У части политической элиты эти три параметра совпадают. Эту группу можно определить как *эндогенное ядро региональных политических элит*. В целом по выборке 2019 г. она составляет треть (34%). При этом различия между депутатами региональных legislatures и членами Федерального Собрания от регионов практически нет (35% и 33% соответственно). Вопрос о значимости и достаточности такой доли при принятии решений решается степенью социально-политической активности этой группы. Здесь надо оговориться, что доля рассчитывается по всей выборке (660 чел.) и является очень консервативной оценкой. Если же брать только тех, о ком есть достоверные сведения по данной интегральной переменной (363 чел.), то доля эндогенной элиты возрастет до 62% (72% в региональных legislatures и 61% в Федеральном Собрании). Возрастные и поколенческие различия по этому параметру оказываются статистически незначимыми.

Существенные различия наблюдаются между регионами. На полюсах по этому показателю находятся Ростовская (57%) и Ленинградская (3%) области. Ситуация с Ленинградской областью уже обсуждалась. Если бы не реальный региональный центр — Санкт-Петербург, то собственное воспроизводство региональной элиты было бы невозможно. Для укорененности здесь мало оснований и ресурсов. Ростовская область, напротив, имеет достаточно собственных образовательных ресурсов, у нее развитая диверсифицированная экономика, что позволяет активным гражданам в значительной степени себя проявить. Отсюда и низкая миграция населения и элиты в другие регионы. Ростовская элита устойчива в собственном воспроизводстве.

Выше средней по выборке данная характеристика в Санкт-Петербурге (49%) и Новосибирской области (48%). Это подтверждает значимость структурных и инфраструктурных факторов. Географическая периферийность Калининградской области и Хабаровского края задает, по всей видимости, специфику в формировании регио-

нальной элиты с большим удельным весом иногородних, а также лиц, получающих образование за пределами этих субъектов федерации. В этих регионах достаточно низка доля эндогенного «ядра» среди депутатов (14% и 19% соответственно).

Структура элиты и проблема укорененности

Состав политической элиты как фактор, повышающий укорененность, связан с характером активности политиков до или во время каденции, насколько она связана с региональными интересами. Большое количество лиц, связанных с бизнесом и хозяйством, позитивно влияет на включение в систему региональных интересов и связей. Экономические интересы привязывают. В век большой мобильности капитала это может быть подвергнуто сомнению. Однако надо учитывать характер экономической активности региональной элиты. В отличие от крупного бизнеса, имеющего федеральный и международный масштаб, в российских регионах в большинстве своем действуют региональные и местные игроки.

Конечно, заинтересованность в местных и региональных делах не всегда бывает большой. Это видно по активности в электоральном процессе и представленности в выборных органах власти крупных институционализированных экономических акторов (см.: Витковская, 2019). Однако часть хозяйственников и бизнесменов стремится получить депутатский мандат, инвестировать в политику (Барсукова, Звягинцев 2006). И эта часть не маленькая.

Заключение

В целом политическая элита десяти российских регионов по своему образовательному уровню представляет высокообразованную общность. С формальной точки зрения высшее образование является социальным основанием для воспроизводства властных позиций и конвертации образовательного капитала в различные социальные институции.

Происходит постепенный переход от технического к экономическому, управленческому, силовому типу высшего образования.

Зафиксирована тенденция усиления эндогенности элит, что связано частично с достаточно низким уровнем миграции в стране, а частично с усилением институционализации политических элит. Дифференциация регионов по степени эндогенности элит достаточно большая. Это становится очевидным при рассмотрении эндогенного ядра региональных элит.

Первичная неполитическая занятость политиков, с одной стороны, действует как деполитизирующий фактор, разрушая политическую сферу и привнося в нее большую долю частного интереса. С другой стороны, такая активность способствует включению их в систему социально-экономических интересов региона. В этом отношении повышенная плутократизация способствует укорененности региональных политических элит, хотя сам характер их деятельности не вполне политический.

Можно утверждать, что в большинстве исследуемых регионов инфра-ресурсный потенциал региональных элит достаточно высок, что создает благоприятные условия для эффективной деятельности в интересах регионов.

Библиографический список

Андрушак, Г. В., Гохберг, Л. М., Ковалева, Н. В., Кузьминов, Я. И. (ред.) (2014). *Образование в цифрах: 2014: краткий статистический сборник*. М.: НИУ ВШЭ.

- Барсукова, С., Звягинцев, В. (2006). Механизм «политического инвестирования», или Как и зачем бизнес участвует в выборах и оплачивает партийную жизнь. *Политические исследования*, 2, 110–121. DOI: 10.17976/jpps/2006.02.09.
- Боровская, М. А., Гохберг, Л. М., Кузьминов, Я. И. (ред.) (2019). *Образование в цифрах: 2019: краткий статистический сборник*. М.: НИУ ВШЭ.
- Быстрова, А., Дука, А., Колесник, Н., Невский, А., Тев, Д. (2008). Российские региональные элиты: инновационный потенциал в контексте глобализации. В И. И. Елисеева (ред.) *Глобализация в российском обществе: сб. науч. трудов* (99–243). СПб.: Нестор-История.
- Витковская, Т. Б. (2019). Политическое пространство промышленных городов Урала: крупные предприятия в политике и управлении. *Власть и элиты*, 6(1), 197–215. DOI: <https://doi.org/10.31119/re.2019.6.1.9>.
- Гаман-Голутвина, О. В. (1999, Июнь 2). Террариум единомышленников. *Независимая газета*.
- Гаман-Голутвина, О. В. (2016). Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке. *Политическая наука*, 2, 38–73.
- Гидденс, Э. (2003). *Устроение общества: Очерк теории структуризации*. М.: Академический Проект.
- Грановеттер, М. (2004). Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности. В В. В. Радаев (ред.) *Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики* (с. 131–158). М.: РОССПЭН.
- Громов, А. Д., Платонова, Д. П., Семенов, Д. С., Пырова, Т. Л. (2016). *Доступность высшего образования в регионах России*. М.: НИУ ВШЭ.
- Дай, Т. Р., Зиглер, Л. Х. (1984). *Демократия для элиты: Введение в американскую политику*. М.: Юрид. лит.
- Долгополов, Д. (2018, Октябрь 1). Эксперты проекта «Госзатраты»: больше половины средств госзаказа в регионах России получают местные поставщики. *7x7. Новости, мнения, блоги*. Режим доступа <https://7x7-journal.ru/articles/2018/10/01/eksperty-proekta-goszatraty-bolshe-pолоvinny-sredstv-goszakaza-v-regionah-rossii-poluchayut-mestnye-postavshiki>
- Исаев, Д. П., Трапш, Н. А. (2016). Управленческая элита советских и российских регионов в ракурсе трансформирующейся профессиональной идентичности. *Гуманитарные и юридические исследования*, 4, 49–57.
- Колесник, Н. В. (2019). Образовательные траектории российской элиты: региональная проекция. *Мир России*, 4, 30–48.
- Крыштановская, О. (2019) Элита в сетях: новые формы обратной связи в цифровую эпоху. *Цифровая социология*, 2(2), 4–11. DOI 10.26425/2658-347X-2019-2-4-11.
- Миллс, Р. (1959). *Властвующая элита*. М.: Изд-во иностр. лит-ры.
- Патнэм, Р. (1996). *Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии*. М.: Ad Marginem.
- Самнер, У. Г. (1998). Народные обычаи. Исследование социологического значения обычаев, манер, привычек, нравов и этики. *Рубеж: альманах социологических исследований*, 12, 10–32.
- Семенова, В. В., Черныш, М. Ф., Сушко П. Е. (ред.). (2019). *Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты*. М.: ФНИСЦ РАН.
- Старостина, Ю. (2020, Февраль 26). Счетная палата назвала Чечню лидером регионального протекционизма. *РБК*. Режим доступа <https://www.rbc.ru/economics/26/02/2020/5e55460d9a79472e99363438>.
- Тев, Д. Б. (2016). Федеральная административная элита России: образовательные характеристики. *Мир России*, 3, 76–96.
- Федеральная служба государственной статистики (2010). Всероссийская перепись населения 2010 года. Режим доступа https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

- Финансовый университет при Правительстве РФ (2014). Рейтинги вузов по образованию представителей элиты государственного управления России-2014. Режим доступа <http://www.old.fa.ru/news/Documents/GovElite.pdf>.
- Шестопад, Е. Б., Селезнева, А. В. (ред.) (2012). *Человеческий капитал российских политических элит. Политико-психологический анализ*. М.: РАПН; РОССПЭН.
- Aberbach, J. D., Putnam, R. D., Rockman, B. A. (1981). *Bureaucrats and Politicians in Western Democracies*. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press.
- Best, H. (2010) Associated Rivals: Antagonism and Cooperation in the German Political Elite. In H. Best & J. Higley (Eds.) *Democratic Elitism: New Theoretical and Comparative Perspectives* (pp. 97–116). Leiden, The Netherlands; Boston: Brill.
- Burnham, J. (1943). *The Machiavellians: Defenders of Freedom*. New York: The John Day Company.
- Dorling, D. (2010). The Return to Elitism in Education. *Soundings*, 44, 35–46.
- Engelstad, F. (2018). Models of Elite Integration. In H. Best & J. Higley (Eds.) *The Palgrave Handbook of Political Elites* (pp. 439–457). London: Palgrave Macmillan.
- Hartmann, M. (2010). Elites and Power Structure. In S. Immerfall, G. Therborn (Eds.) *Handbook of European Societies. Social Transformations in the 21st Century* (p. 291–323). Berlin; New York: Springer.
- Hicks, A., Misra, J. (1993). Political Resources and the Growth of Welfare in Affluent Capitalist Democracies, 1960–1982. *American Journal of Sociology*, 99(3), 668–710.
- Hoffmann-Lange, U. (2018). Theory-Based Typologies of Political Elites. In H. Best & J. Higley (Eds.) *The Palgrave Handbook of Political Elites* (pp. 53–68). London: Palgrave Macmillan.
- Huskey, E. (2010). Elite Recruitment and State-Society Relations in Technocratic Authoritarian Regimes: The Russian Case. *Communist and Post-Communist Studies*, 43(4), 363–372.
- London, B., Anderson, K. L. (1985). Population Density, Elites, and the Distribution of Infrastructural Resources in Thailand. *The Sociological Quarterly*, 26(2), 235–249.
- Meisel, J. H. (1962). *The Myth of the Ruling Class: Gaetano Mosca and the "Elite". With the first English Translation of the Final Version of "The Ruling Class"*. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press.
- Putnam, R. D. (1976). *The Comparative Study of Political Elites*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Rogers, M. F. (1974). Instrumental and Infra-Resources: The Bases of Power. *American Journal of Sociology*, 79(6), 1418–1433.

Статья поступила в редакцию 18.05.2020

Статья принята к публикации 20.06.2020

Для цитирования: Быстрова А. С., Даугавет А. Б., Дука А. В., Колесник Н. В., Невский А. В., Тев Д. Б. Инфра-ресурсы региональных политических элит. — Южно-российский журнал социальных наук. 2020. Т. 21. № 2. С. 6–25.

INFRA-RESOURCES OF REGIONAL POLITICAL ELITES

A. S. Bystrova, A. B. Daugavet, A. V. Duka, N. V. Kolesnik, A. V. Nevsky, D. B. Tev

Alla S. Bystrova. Email mail: abc_46@mail.ru.

ORCID 0000-0001-6573-111X.

Alexandra B. Daugavet. E-mail: a.daugavet@socinst.ru.

ORCID 0000-0002-1847-500X.

Alexander V. Duka. E-mail: alexander-duka@yandex.ru.

ORCID 0000-0003-1748-7145.

Natalia V. Kolesnik. E-mail: n.kolesnik@socinst.ru.

ORCID 0000-0003-2323-6799.

Andrey V. Nevsky. E-mail: anevskij@gmail.com.

ORCID 0000-0002-1206-8569.

Denis B. Tev. E-mail: denis_tev@mail.ru.
ORCID 0000-0001-5442-7585.

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, 7th Krasnoarmeyskaya Str., 25/14, St. Petersburg, 190005, Russia

Abstract. The article analyzes one of the aspects of the regional political elites' resource potential on the basis of an empirical study of ten Russian regions. The latter are deputies of regional legislatures, as well as regional members of the Federal Assembly of the Russian Federation. The structural and biographical method was used to examine the database of 650 persons' biographies. The earlier data (651 entries from 2010 and 606 entries from 2015) are also used to compare the results. The subject of the research is the elites' infra-resources understood as characteristics and conditions that allow power groups to effectively use various means of influence. The research dwells upon the educational background of the elite community members and their embeddedness in the region. A change in the educational background has been registered. While in the late Soviet and post-perestroika times preference was given to technical education, in recent years economic, managerial and military types of education are dominant. On the whole, the level of education among regional political elite is high. Endogenousness, as an important factor in the cohesion or integration of regional elites, has the potential to reduce conflict and the involvement of members of the elite community in the solution of region-wide problems. This figure varies considerably among the federated entities. On the basis of data on place of birth, higher education and place of previous work we built the index «Endogenous core of regional elite». We assume that this indicator is closely linked to the cohesion or integration of regional policymakers. The sparseness varies from 3% to 57%. The data obtained allow making probabilistic predictions about the efficiency of elite activity.

Key words: regional political elites, deputies, infra-resources, education, embeddedness, endogeneity, cohesion, recruiting, mobility.

DOI: 10.31429/26190567-21-2-6-25

References

- Aberbach, J. D., Putnam, R. D., Rockman, B. A. (1981). *Bureaucrats and Politicians in Western Democracies*. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press.
- Andrushchak, G. V., Gohberg, L. M., Kovalyova, N. V., Kuzminov, Ya. I. (Eds.) (2014). *Obrazovaniye v tsifrakh: 2014: kratkiy statisticheskiy sbornik* [Education in Figures: A Short Statistical Compendium: 2014]. Moskva.: NIU VSHE.
- Barsukova, S., Zvyagintsev, V. (2006). Mekhanizm "politicheskogo investirovaniya", ili Kak i zachem biznes uchastvuyet v vyborakh i oplachivayet partiynuyu zhizn' [Mechanism of Political Investment, or How and What for Russian Business Takes Part in Elections and Covers the Expenses of Party Life]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2, 110–121. DOI: 10.17976/jpps/2006.02.09.
- Best, H. (2010) Associated Rivals: Antagonism and Cooperation in the German Political Elite. In H. Best & J. Higley (Eds.) *Democratic Elitism: New Theoretical and Comparative Perspectives* (pp. 97–116). Leiden, The Netherlands; Boston: Brill.
- Borovskaya, M. A., Gohberg, L. M., Kuzminov, Ya. I. (Eds.) (2019). *Obrazovaniye v tsifrakh: 2019: kratkii statisticheskiy sbornik* [Education in Figures: a Short Statistical Compendium: 2019]. Moskva.: NIU VSHE.
- Burnham, J. (1943). *The Machiavellians: Defenders of Freedom*. New York: The John Day Company.
- Bystrova, A., Duka, A., Kolesnik, N., Nevskiy, A., Tev, D. (2008). Rossiyskiye regional'nyye elity: innovatsionnyy potentsial v kontekste globalizatsii [Russian Regional Elites: Innovative Potential in the Context of Globalization]. In I. I. Eliseeva (Ed.) *Globalizatsiya v rossiyskom obshchestve: sb. nauch. trudov* [Globalization in Russian Society: a Collection of Scientific Papers] (pp. 99–243). Spb: Nestor-Istoriya.

- Dolgoplov, D. (2018, October 1). Eksperty proyekta "Goszatraty": bol'she poloviny sredstv goszakaza v regionakh Rossii poluchayut mestnyye postavshchiki [Experts of the "Goszatraty" Project: Over Half of the State Order Funds in the Regions of Russia are Received by Local Suppliers]. *7x7. Novosti, mneniya, blogi* [7x7. News, Opinions, Blogs]. Retrieved from <https://7x7-journal.ru/articles/2018/10/01/eksperty-proekta-goszatraty-bolshe-poloviny-sredstv-goszakaza-v-regionah-rossii-poluchayut-mestnye-postavshiki>
- Dorling, D. (2010). The Return to Elitism in Education. *Soundings*, 44, 35–46.
- Dye, T. R., Zeigler, L. H. (1984). *Demokratiya dlya elity: Vvedeniye v amerikanskuyu politiku* [The Irony of Democracy: An Uncommon Introduction to American Politics]. Moscow: Yuridicheskaya literature.
- Engelstad, F. (2018). Models of Elite Integration. In H. Best & J. Higley (Eds.) *The Palgrave Handbook of Political Elites* (pp. 439–457). London: Palgrave Macmillan.
- Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki [Federal State Statistics Service] (2010). Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010 goda [All-Russian Population Census 2010]. Retrieved from https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
- Finansovy universitet pri Pravitel'stve RF [Financial University of the Government under the Russian Federation] (2014). Reytingi vuzov po formirovaniyu predstaviteley elity gosudarstvennogo upravleniya v Rossii [Rankings of Universities by Education of Elites of State Administration of Russia — 2014]. Retrieved from <http://www.old.fa.ru/news/Documents/GovElite.pdf>.
- Gaman-Golutvina, O. V. (June 2, 1999). Terrarium yedinyomyshlennikov [Terrarium of Like-minded People]. *Nezavisimaya gazeta* [Independent Newspaper].
- Gaman-Golutvina, O. V. (2016). Politicheskiye elity kak ob'yekt issledovaniy v otechestvennoy politicheskoy nauke [Political Elites as an Object of Research in National Political Science]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2, 38–73.
- Giddens, A. (2003). *Ustroyniye obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii* [The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration]. Moscow: Akademicheskii proyekt.
- Granovetter, M. (2004). Ekonomicheskoye deystviye i sotsial'naya struktura: problema ukorenennosti [Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness]. In V. V. Radayev (Ed.) *Zapadnaya ekonomicheskaya sotsiologiya: chitatel' sovremennoy klassiki* [Western Economic Sociology: Reader of Modern Classics] (pp. 131–158). Moscow: ROSSPEN.
- Gromov, A. D., Platonova, D. P., Semyonov, D. S., Pyrova, T. L. (2016). *Dostupnost' vysshego obrazovaniya v regionakh Rossii* [Availability of Higher Education in the Regions of Russia]. Moscow: HSE.
- Hartmann, M. (2010). Elites and Power Structure. In S. Immerfall, G. Therborn (Eds.) *Handbook of European Societies. Social Transformations in the 21st Century* (p. 291–323). Berlin; New York: Springer.
- Hicks, A., Misra, J. (1993). Political Resources and the Growth of Welfare in Affluent Capitalist Democracies, 1960–1982. *American Journal of Sociology*, 99(3), 668–710.
- Hoffmann-Lange, U. (2018). Theory-Based Typologies of Political Elites. In H. Best & J. Higley (Eds.) *The Palgrave Handbook of Political Elites* (pp. 53–68). London: Palgrave Macmillan.
- Huskey, E. (2010). Elite Recruitment and State-Society Relations in Technocratic Authoritarian Regimes: The Russian Case. *Communist and Post-Communist Studies*, 43(4), 363–372.
- Isayev, D. P., Trapsh, N. A. (2016). Upravlencheskaya elita sovetskikh i rossiyskikh regionov v raskurse transformiruyushcheyssya professional'noy identichnosti [Managerial Elite of Soviet and Russian Regions from the Perspective of Transforming Professional Identity]. *Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya* [Humanities and Law Studies], 4, 49–57.
- Kolesnik, N. V. (2019). Obrazovatel'nyye trayektorii rossiyskoy elity: regional'naya proyektziya [The Educational Trajectories of the Russian Elite: a Regional Projection]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], 4, 30–48.
- Kryshtanovskaya, O. (2019). Elita v setyah: novye formy obratnoy svyazi v tsyfrovuyu epohu [Elite in Social Networks: New Forms of Feedback in the Digital Age]. *Tsyfrovaya sotsiologiya* [Digital Sociology], 2(2), 4–11. DOI 10.26425/2658-347X-2019-2-4-11.

- London, B., Anderson, K. L. (1985). Population Density, Elites, and the Distribution of Infrastructural Resources in Thailand. *The Sociological Quarterly*, 26(2), 235–249.
- Meisel, J. H. (1962). *The Myth of the Ruling Class: Gaetano Mosca and the “Elite”. With the first English Translation of the Final Version of “The Ruling Class”*. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press.
- Mills, C. W. (1959). *Vlastvuyushchaya elita* [The Power Elite]. M.: Izd-vo inostr. lit-ry.
- Putnam, R. (1996). *Chtoby demokratiya srabotala: Grazhdanskiye traditsii v sovremennoy Italii* [Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy]. Moscow: Ad Marginem.
- Putnam, R. D. (1976). *The Comparative Study of Political Elites*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Rogers, M. F. (1974). Instrumental and Infra-Resources: The Bases of Power. *American Journal of Sociology*, 79(6), 1418–1433.
- Semenova, V. V., Chernysh, M. F., Sushko, P. E. (Eds.) (2019). *Sotsial'naya mobil'nost' v uslozhnyayushchemsya obshchestve: ob'yektivnyye i sub'yektivnyye aspekty* [Social Mobility in an Increasingly Complex Society: Objective and Subjective Aspects]. Moscow: FNISTS RAN.
- Shestopal, Ye. B., Seleznyova A. V. (Eds.) (2012). *Chelovecheskiy kapital rossiyskikh politicheskikh elit. Politiko-psikhologicheskii analiz* [Human Capital of Russian Political Elites. Political and Psychological Analysis]. Moscow: RAPN; ROSSPEN.
- Starostina, Yu. (26 February, 2020). Schetnaya palata nazvala Chechnyu liderom regional'nogo protektsionizma [The Accounting Chamber Named Chechnya as the Leader of Regional Protectionism]. *RBK* [Russian Business Channel]. Retrieved from <https://www.rbc.ru/economics/26/02/2020/5e55460d9a79472e99363438>.
- Sumner, W. G. (1998). Narodnye obychai. Issledovaniye sotsiologicheskogo znacheniya obychayev, maner, privyчек, нравов i etiki [Folkways]. *Rubezh* [Frontier], 12, 10–32.
- Tev, D. B. (2016). Federal'naya administrativnaya elita Rossii: obrazovatel'nyye kharakteristiki [Russia's Federal Administrative Elite: Educational Characteristics]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], 3, 76–96.
- Vitkovskaia, T. (2019). Politicheskoye prostranstvo promyshlennykh gorodov Urala: krupnye predpriyatiya v politike i upravlenii [Political Space of the Industrial Cities of the Ural Region: Large Enterprises in Policy and Management]. *Vlast i elity* [Power and Elites], 6(1), 197–215. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.1.9>.

Received 18.05.2020

Accepted 20.06.2020

For citation: Bystrova A. S., Daugavet A. B., Duka A. V., Kolesnik N. V., Nevsky A. V., Tev D. B. Infra-Resources of Regional Political Elites. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2020. Vol. 21. No. 2. Pp. 6-25.

© 2020 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).